
18+
СЕМЬ СВИДЕТЕЛЕЙ.
ПРАВДА.
СВЕТЛАНА ГИЛЬМАН
ПРОШЛОЕ
НИКОГДА
НЕ УМИРАЕТ
ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
Некоторые тайны уходят глубоко в прошлое. Другие возвращаются, чтобы быть завершёнными.
ПРИГЛАШЕНИЕ
К годовщине
СИМЕОН БЕРАНЖЕ
Вилла Монте-Карло
Ницца
12 мая 1985 года

Светлана Гильман

Прошлое никогда не умирает

«Издательские решения»

Гильман С.

Прошлое никогда не умирает / С. Гильман — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Париж. Студентка журналистики Элен Кордье замечает в газете некролог незнакомца — и вспоминает, что видела его в офисе собственного отца. Когда отец лжёт ей в глаза, Элен понимает: за этой смертью скрывается что-то большее.Прошлое никогда не умирает — детектив о цене лжи, силе мести и любви, которая рождается там, где её меньше всего ждёшь.

© Гильман С.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1 6
Элен 6
Алэн 11
Катрин 15
Паола 19
Элен 22
ГЛАВА 2 25
Эдмунд 25
Эмилия 28
Лилиана 30
Жаннет 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Прошлое никогда не умирает

Светлана Гильман

© Светлана Гильман, 2026

ISBN 978-5-0071-4848-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старые грехи отбрасывают
длинные тени.
Агата Кристи

ГЛАВА 1

Элен

«…полиция выясняет, было ли произошедшее самоубийством или несчастным случаем. Напомним: мсье Грегсон разбился насмерть, выпав из окна своей квартиры на шестом этаже».

Дочитав заметку, Элен уставилась на размытую чёрно-белую фотографию. Газетный снимок был сделан небрежно — лицо смазано, контуры расплывались в серую кашу типографской краски, — и всё же что-то в этом лице её удерживало. Она была уверена, что уже видела этого человека. Но где? Память упрямо молчала, и это раздражало.

Взгляд невольно скользнул на запястье — золотые наручные часы поймали утренний свет и блеснули тёплым отсветом. Подарок отца на совершеннолетие, немного старомодный, но Элен носила их всегда. Стрелки показывали без четверти девять.

Элен вскочила.

— Боже мой, я опаздываю!

Она схватила сумку, сунула туда сложенную газету — она обязана вспомнить, — и выбежала из дома. У подъезда тоскливо блестела её любимая машина, цвета мокрого асфальта, политая ночным дождём. Элен на неё даже не взглянула: пробки в это время суток были явлением природы, с которым бесполезно бороться. Она нырнула в метро.

В вагоне пахло сыростью и чужими духами. Элен стояла, держась за поручень, и снова думала о размытом лице в газете. Что-то не давало покоя — не само по себе известие о гибели незнакомого человека, а именно это смутное узнавание, повисшее в голове без ответа.

Возле университета её уже ждал Эдмунд. Он стоял у колонны, засунув руки в карманы куртки, и смотрел на улицу с тем рассеянным видом, который Элен давно научилась читать: он думал о чём-то своём, но при этом ни секунды не переставал её ждать. Увидев Элен, он улыбнулся — и в карих глазах заплясали весёлые искорки, будто кто-то чиркнул спичкой.

— Привет. — Он поцеловал её в щёку, и она почувствовала лёгкий запах его одеколона — что-то древесное, спокойное. — Как дела?

— Привет, Эдмунд.

— Ты чем-то обеспокоена, — заметил он, и тёплые пальцы мягко убрали с её лба русую прядь, которую растрепал ветер.

— Пустяки. Расскажу потом. — Элен улыбнулась, в который раз удивившись этому его умению — угадывать по лицу то, что она сама ещё не успевала назвать словами.

Высокий, черноволосый, широкоплечий — Эдмунда можно было бы назвать красавцем, если бы не нос чуть длиннее, чем требуют классические пропорции, и неровный шрам, пересекавший левую щёку от края глаза до уголка губ. Шрам был старым, давно побледневшим, но на его лице он смотрелся как постоянное напоминание о чём-то, о чём Эдмунд никогда не рассказывал.

— После занятий посидим в кафе у мамы? — предложил он, когда они шли по коридору, мимо стендов с объявлениями и шумных студенческих кучек у дверей аудиторий.

— Кто же откажется от вкусностей мадам Вижон? — Элен покосилась на него с улыбкой. — С удовольствием.

Они уже входили в аудиторию, когда навстречу им стремительно вышла высокая красивая чернокожая девушка — движения у неё были резкие и целенаправленные, как у человека, который всегда точно знает, чего хочет — и решительно потянула Эдмунда за рукав обратно в коридор.

— Можно тебя на минуту?

— Да, Паола, — покорно отозвался тот. Он успел бросить на Элен взгляд побитой собаки — виноватый и одновременно немного смешной. Та лишь махнула рукой и скрылась за дверью.

— Ну как, ты говорил с отцом обо мне? — Паола скрестила руки на груди, едва они отошли в сторону.

— Нет, он не приезжал к нам на выходных. Извини.

Отец Эдмунда, Алэн де Безансон, занимал должность главного дизайнера дома моды «Беранже» — имя достаточно громкое, чтобы открывать двери в мире, о котором Паола грезила с детства. Карьера манекенщицы была её настоящей жизнью; университет — лишь тягостной данью родительской воле. Узнав, что Эдмунд — сын, пусть и внебрачный, самого де Безансона, она не теряла времени даром.

— Уф… А ты не мог бы сам поехать к нему?

— Нет. — В голосе Эдмунда не было раздражения — только твёрдость, за которой угадывалась давняя и непростая история. — Когда он придёт к нам, тогда и поговорю. Извини, — и он направился в аудиторию, не оглядываясь.

Учебный день тянулся, как всегда, — долго и монотонно, лекции сменяли друг друга с механической исправностью. Элен делала пометки в тетради, но мысли то и дело возвращались к газетной вырезке в сумке. Размытое лицо. Шестой этаж. Самоубийство или несчастный случай. Она и не заметила, как последний урок закончился.

Кафе мадам Вижон находилось в пяти минутах ходьбы от университета. Оно не было богемным местом в парижском смысле. Это было кафе без претензий на шик и без туристов, зато с тёплым светом медовых ламп, деревянными столиками и стойкой, за которой всегда что-то шипело и пахло. Студенты его любили именно за это — за ощущение, что тебя здесь рады видеть. Постоянных клиентов встречала сама хозяйка, Ирен Вижон, или её компаньонка Эмилия Мильтон.

Ирен как раз разговаривала с каким-то посетителем у дальнего столика, когда дверь отворилась и в кафе вошли Эдмунд и Элен. Хозяйка подняла голову — и выражение её лица мгновенно изменилось: деловитость сменилась той особой теплотой, которую не изображают, а только чувствуют.

— Мари, замени меня, — она бросила это официантке, не оборачиваясь, и поспешила навстречу. — Привет, дорогой. Здравствуй, Элен.

— Здравствуй, мама. — Эдмунд поцеловал её в щёку с привычной нежностью.

— Надеюсь, вы пришли за моим фирменным тортом? — Ирен улыбнулась — у неё была та же улыбка, что у сына, только мягче. — Проходите, я вас устрою.

Элен с удовольствием вдохнула запах кафе — сложный, многослойный, тёплый: кофейная горечь, ваниль, что-то сдобное из духовки, чуть-чуть корицы. Посетителей было немного; она выбрала столик в дальнем углу, где свет лампы ложился уютным кружком и шум от двери почти не доходил. Эдмунд, сказав матери несколько слов у стойки, устроился напротив.

— Я позволил себе сделать заказ. Надеюсь, угадал.

— Ты всегда угадываешь.

Она принялась рассматривать зал — просто так, без цели, давая мыслям немного расслабиться. Эдмунд воспользовался этим: прятать взгляд уже не было нужды. Он разглядывал её лицо с той медленной внимательностью, которую позволял себе только в такие короткие минуты чужой рассеянности. Чуть прищуренные серые глаза. Вздёрнутый нос. Коралловые губы, сейчас сжатые в тонкую задумчивую линию. Упрямый подбородок — черта, которую он особенно любил, потому что она ни на секунду не врала о том, какой человек перед ним.

Он влюбился с первого взгляда — это случилось легко и необратимо, как падение. Но потом он узнал, кто её отец. И давно решил: чтобы быть с Элен, нужно сначала чего-то добиться самому. Пока же он для неё друг. Только друг. Он повторял это себе с такой настойчивостью, что иногда почти верил.

Девушка повернулась, и Эдмунд поспешно отвёл взгляд.

Мадам Вижон принесла заказ сама: капучино для Элен, эспрессо для Эдмунда и два куска торта — высоких, на тёмной шоколадной основе, с кремом цвета слоновой кости. Элен сделала глоток и зажмурилась на секунду.

— Ты и правда знаешь, что я люблю.

— Всё-таки мы давно дружим, — быстро ответил Эдмунд и тут же сменил тему, потому что пауза после этих слов становилась опасной: — Ты говорила, что хочешь что-то рассказать. Что случилось?

— А, пустяки. — Она помолчала, покрутила в руках чашку. — Скажи, бывало у тебя такое: кто-то кажется знакомым, а вспомнить, где видел, — никак не можешь? И это не даёт покоя, вот как камешек в ботинке.

— Бывало.

— Вот, посмотри. — Элен вынула из сумки газету и придвинула к нему через стол. Эдмунд прочёл заметку, задержался взглядом на фотографии — и вернул.

— Ты хочешь сказать, что уже видела этого… как его…

— Грегсона. Да. Но не помню — где и когда. И это меня злит.

— Может, в университете? В кафе? — предположил он.

— Нет. — Элен покачала головой. — Что-то другое. Более личное, что ли. — Она снова взглянула на снимок. — Интересно, это было самоубийство? И кто он вообще такой?

— Люди сводят счёты с жизнью каждый день, — сказал Эдмунд тихо, без цинизма — просто констатируя то, что оба знали. — Но именно этот тип тебя зацепил. — Он кивнул на газету. — Проведи журналистское расследование, — добавил он — и сам засмеялся, потому что сказал это ради красного словца.

— А почему нет? — Глаза Элен вдруг загорелись тем знакомым ему блеском, который означал: идея уже живёт своей жизнью и её не остановить. — Ты мне поможешь?

— Я? — Эдмунд едва не поперхнулся эспрессо.

— Конечно ты!

Идея ему не понравилась — он сказал это просто так. Но мысль о том, что он будет проводить с Элен ещё больше времени — пусть даже гоняясь за тенью какого-то Грегсона по всему Парижу, — всё больше и больше ему нравилось.

— Ну… помогу. Только я понятия не имею, как ведутся расследования.

— Я тоже, — она улыбнулась так, будто это обстоятельство было совершенно несущественным. — Поэтому прямо сейчас отправлюсь за консультацией к самому Луи Кордье.

Эдмунд рассмеялся. Луи Кордье был одним из самых дорогих и известных адвокатов Парижа. И отцом Элен.

— Удачи.

— Спасибо! — Она вскочила с лёгкостью, с которой вскакивают только тогда, когда уже знают, что делать дальше, — чмокнула его в щёку, бросила Ирен слова благодарности за кофе и торт, и умчалась. Такой уж была Элен: если идея приходила в голову — она немедленно бралась за дело, не давая ей времени остыть.

Деловой квартал Дефанс раскинулся на западной окраине Парижа — другой мир, холодный и геометричный. Стеклянные высотки отражали облака и соседние высотки, создавая бесконечную игру зеркал. Полторы тысячи компаний, тысячи одинаковых костюмов, гул лифтов и шелест документов. На новоприбывшего это производило впечатление Манхэттена — но только не на Элен. Она знала этот район наизусть: знала, в какой кофейне в цоколе самый быстрый кофе, и в каком лифте вечно барахлит кнопка третьего этажа. Она выросла, приходя сюда к отцу.

Поднявшись на двадцать третий этаж одной из башен, она толкнула дверь с табличкой «Луи Кордье, адвокат». Небольшая табличка, элегантный шрифт. Отец не любил излишеств — в этом они были похожи.

Кабинет, вопреки его давней любви к роскоши в домашнем интерьере, был обставлен просто и со вкусом. В приёмной — стол, высокий шкаф с папками, несколько стульев для посетителей, на окне узкий горшок с фикусом, который здесь стоял, кажется, вечно. Кабинет адвоката за закрытой дверью отличался лишь более солидным столом да широким хозяйским креслом тёмной кожи.

— Элен! — Секретарь Изабель, молодая женщина лет тридцати с гладко убранными волосами, подняла голову от бумаг и улыбнулась по-настоящему тепло — не профессиональной улыбкой ресепшена, а той, что возникает при виде знакомого лица. — Какой приятный сюрприз.

— Привет, Изабель. Папа свободен?

— У него посетитель. Но присаживайся — думаю, они скоро закончат. Кофе?

— Нет, только воды, пожалуйста.

Пока Изабель ходила на кухню, Элен села на стул у стены и снова достала газету. Фото смотрело на неё с той же немой неопределённостью. Она прищурилась, словно это могло прибавить резкости размытому снимку.

— Пожалуйста. — Изабель протянула стакан и, заметив снимок, остановилась. На её лице что-то промелькнуло — то ли узнавание, то ли лёгкое смятение. Она тихо вздохнула: — Бедный мсье Грегсон. В тот раз он выглядел таким встревоженным… Кто бы мог подумать.

— Ты его знала? — Элен подняла голову.

— Он бывал у твоего отца раза два или три. — Изабель говорила вполголоса, хотя дверь в кабинет была плотно закрыта. — Они подолгу разговаривали, но дела так и не открыли. О чём именно — я не знаю.

И вдруг в памяти у Элен что-то щёлкнуло — так бывает, когда долго вертишь в руках замок и вдруг нечаянно попадаешь на нужную комбинацию. Конечно. Коридор. Дверь этого самого кабинета. Мужчина выходил — или она входила? — несколько недель назад, и они столкнулись почти нос к носу. Она извинилась. Он кивнул, не глядя. Лицо у него тогда было напряжённым.

— Пожалуйста, — тихо добавила Изабель, чуть наклонившись, — ты не слышала этого от меня.

— Не беспокойся, — кивнула Элен.

В этот момент дверь в кабинет отворилась, выпуская клиента — мужчину в строгом сером костюме, с папкой под мышкой и выражением человека, получившего не совсем то, на что рассчитывал. Элен встала и, не дав двери закрыться, вошла.

— Привет, папа. — Она поцеловала отца в щёку и привычно опустилась на стул напротив его стола.

— Привет, Элен. — Луи Кордье улыбнулся — он всегда улыбался ей так, как улыбался немногому на свете, без профессиональной сдержанности. Он любил дочь и гордился ею, хотя втайне всегда сожалел о её выборе. Из неё вышел бы блестящий адвокат — это было очевидно: острый ум, умение слушать, умение задавать нужный вопрос в нужный момент. Но она выбрала журналистику, и он смирился. — Что привело тебя ко мне?

— Соскучилась, — сказала Элен.

Она смотрела на него — пятидесятилетний мужчина в полной силе, с резкими, чётко вылепленными чертами лица, русыми волосами с первой сединой на висках и серыми глазами, которые смотрели всегда чуть острее, чем требовала ситуация. Профессия давно закалила его сердце к чужим историям — но это никогда не касалось детей. Ни Элен, ни сына Максимилиана. Здесь броня давала трещину.

— А если честно, — добавила она, — чисто женское любопытство.

— Правда? — Адвокат слегка приподнял бровь.

— Несколько дней назад я видела здесь, у тебя, одного человека. Вчера он выбросился из окна. — Элен протянула газету через стол.

Луи взял её, не торопясь, взглянул на фотографию. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— А, мсье Грегсон. — Он вернул газету так же спокойно, как взял. — Да, он приходил. Какое-то пустяковое дело, не мой профиль. Я ему так и сказал, и он ушёл.

— И всё?

— Всё, — сказал адвокат ровно. — Честно говоря, даже не помню, что именно его беспокоило.

— Ясно, — сказала Элен.

И поняла, что отец лжёт. Лжёт так, как умеют только очень опытные юристы: ровно, гладко, без единой зацепки. Но она слишком хорошо его знала. Эта особая пауза перед «ясно», это «честно говоря», которое он произнёс чуть более подчёркнуто, чем следовало. Но почему?

— В общем, ничего интересного? — спросила она, решив дать отцу ещё один шанс.

— Да, — сказал адвокат и девушка услышала в его голосе нотки облегчения. — Ничего интересного.

Поговорив ещё немного, Элен встала, поцеловала его на прощание — спокойно, как будто ничего не заметила, — и вышла. Дверь закрылась за ней с мягким щелчком.

Что ж. Расследование они начнут без адвокатских советов. Ничего. Они с Эдмундом справятся.

Алэн

В это самое время Алэн де Безансон сидел в своём кабинете и с удовольствием рассматривал эскизы. Карандашные линии, пока ещё тонкие и предварительные, через несколько недель превратятся в технические рисунки, а потом — в шикарнейшую одежду, которую продемонстрируют красивые манекенщицы перед изысканнейшей публикой. Алэн блаженно откинулся в кресле и прикрыл глаза на секунду. Скоро, совсем скоро исполнится его мечта — та, ради которой он когда-то пожертвовал своей любовью. Показ мод дома «Беранже». Конечно, показов в его жизни было много, но такого размаха, с такими гостями — никогда. Его честолюбие будет удовлетворено. И наконец-то — наконец — он обретёт свободу. Уйдёт от Катрин к любимой Ирен.

При воспоминании о жене лицо его помрачнело. Двадцать лет — долгий срок, чтобы привыкнуть к тому, что не любишь. Он только начинал тогда у Симеона Беранже, и перед ним было блестящее будущее — хозяин ценил его эскизы, и со временем он мог стать главным дизайнером, или открыть собственное дело. И в личной жизни было всё прекрасно — он любил и был любим Ирен, рыжеволосой Ирен с зелёными глазами, которая смеялась так, что у него перехватывало дыхание. Они готовились к свадьбе; она была беременна. И тут оказалось, что на него положила глаз молодая жена босса.

Катрин не тратила времени на намёки. Она сказала всё прямо: и о своих желаниях, и о цене, которую ему придётся заплатить в случае отказа. Алэну пришлось выбирать. Это было нелегко — он не лгал себе в этом. Он был слишком молод. Слишком честолюбив. И он выбрал. Единственное, что он сказал Катрин твёрдо с самого начала: ребёнка он не бросит. Она согласилась. А спустя полгода Симеон был убит. Алэн до сих пор благодарил Бога за то, что не смог поехать на ту вечеринку и остался в Париже.

Он отогнал от себя призраки прошлого и снова опустил взгляд на эскизы. Скоро закончится рабочий день, и он поедет на ужин к Ирен и сыну. К любимой Ирен. Он вернулся к ней спустя несколько месяцев после женитьбы на Катрин — и с тех пор так и жил на две семьи, как живут многие мужчины, которым не хватило смелости в нужный момент. Жена думала, что он навещает сына. Хотя кто знает, что на самом деле думала Катрин.

В дверь постучали, и вошла секретарша — Розамунда Марье, симпатичная кареглазая девушка с чёрными волосами, гладко убранными назад.

— Мсье де Безансон, мадам Катрин спрашивает, будете ли вы ужинать дома.

Алэн поморщился. За двадцать лет он так и не привык к этой манере — решать семейные вопросы через секретарш.

— Нет. — Он ласково улыбнулся девушке. — Я сегодня ужинаю у Ирен. Придумай что-нибудь и сообщи мне.

— Хорошо, — кивнула Розамунда и вышла, прикрыв дверь без единого лишнего звука.

Какая удача, что у меня работает такая умная девушка, — подумал Алэн.

Он встретил её несколько месяцев назад — зимой, в какой-то забегаловке на окраине. Она сидела у стойки и дрожащими пальцами пересчитывала монеты, чтобы купить чашку чая и согреться. На предложение помочь Розамунда ответила с таким достоинством, что он сначала не понял, а потом засмеялся и объяснил, что просто голоден и не хочет есть в одиночестве. Они сели за столик и разговорились. Она оказалась сиротой, закончила курсы секретарей, а из-за предательства своего любимого осталась без работы и без денег. Было в ней что-то такое — какая-то открытая, незащищённая искренность, — что Алэн сам не заметил, как рассказал ей всё о себе. Потом он подвёз её домой, а на следующий день предложил место: его прежняя секретарша как раз уволилась, а пользоваться услугами Жульетты, помощницы Катрин, ему

не хотелось. Иногда ему казалось, что у его жены и Жульетты были общие секреты, о которых лучше было не знать. Он посмотрел на часы. Ещё два часа. Два часа — и он увидит свою Ирен.

Тем временем Эдмунд сидел в своей комнате за компьютером и добросовестно читал статьи о журналистских расследованиях. Статьи попадались убедительные — там разоблачали нечестных чиновников, вскрывали коррупционные схемы, добирались до правды через архивы и анонимных источников. Всё это было захватывающе и совершенно непонятно можно ли применить это к их ситуации с каким-то Грегсоном, выпавшим из окна.

Из кухни донёсся запах — сначала едва уловимый, потом всё настойчивее. Что-то мясное, пряное, с травами. Эдмунд понял, что очень проголодался, и поспешил вниз.

В центре салона стоял праздничный стол — накрытый на четыре персоны, с белой скатертью и бокалами, которые Ирен доставала только по особым случаям. Сама она весело порхала на кухне, и оттуда доносилось лёгкое шипение и уже совершенно невыносимый запах.

— Мы что-то празднуем? — удивился Эдмунд, появляясь в дверях. — Почему ты меня не позвала тебе помочь?

— Нет-нет, — Ирен улыбнулась сыну той улыбкой, которую он любил — без тревоги, без усталости, просто тёплой. — Я пригласила Эмилию поужинать. А потом позвонил Алэн — он тоже будет с нами.

— Папа приедет? — Эдмунд обрадовался непосредственно и искренне, как в детстве, — а потом, секунду спустя, поймал в себе что-то похожее на грусть. — Он давно нас не навещал.

— Он был занят.

— Да, я знаю, но… — Эдмунд подошёл к матери и обнял её — крепко, немного неловко, как обнимают сыновья, которым уже девятнадцать, но которые не забыли, как это было в двенадцать. — Мне очень больно за тебя.

— Сынок, — мягко перебила его Ирен. — Мы уже говорили об этом. Я очень люблю твоего отца. И он любит меня. Тебе уже девятнадцать лет — наверняка знаешь, что такое любовь. А?

Эдмунд не ответил. Он подумал об Элен — о серых глазах и упрямом подбородке, об улыбке, которую она подарила ему сегодня, уходя. *Наверное, знаю,* подумал он. *Только это не слишком помогает.*

Ирен открыла духовку, и оттуда хлынул горячий пар. По кухне разнёсся запах мяса с розмарином. Она попробовала вилкой, вернула противень на место и убавила температуру.

— Ещё немножко…

— И твоя фирменная утка будет готова, — закончил за неё Эдмунд. — Если не нужна моя помощь — пойду переоденусь. Когда ужин?

— В семь часов.

Он поцеловал мать в щёку и поднялся к себе. Ирен проводила его взглядом, потом медленно опустилась на стул у окна. За окном темнело — Париж зажигал первые огни. Она вытерла слезу, которую не удержала. Они с Алэном любили друг друга давно и по-настоящему, пока не появилась Катрин Беранже с её угрозами и её деньгами. Алэн оказался слишком слаб, чтобы не принять их всерьёз — или слишком молод, она так и не решила, что вернее. Он женился на Катрин после убийства Симеона. И остался с ней двадцать лет. Ирен отогнала от себя эти мысли — зачем ворошить прошлое? Он любит её. Это всегда было правдой.

Без двадцати семь раздался звонок в дверь.

Ирен наскоро вытерла руки и открыла. За дверью появился огромный букет алых роз — таких плотных, тёмных, почти бордовых, что от них казалось темнее в прихожей.

— Прекраснейшей из прекрасных, — послышался за цветами знакомый голос.

— Ах, Алэн… — только и промолвила она. Взяла цветы, чтобы поставить в вазу, — и в этот момент услышала на лестнице лёгкие быстрые шаги: сверху сбегал Эдмунд. На полпути он остановился.

Алэн де Безансон, черноволосый кареглазый мужчина в хорошо сшитом пальто, выглядел моложе своих сорока шести — это замечали все, кто его знал. Он нежно, но крепко привлёк к себе Ирен и поцеловал её так, как целуют не из привычки, а из желания. Эдмунд стоял на ступеньках и смотрел на них. Они и правда были красивой парой — высокий отец и рядом с ним мать, рыжеволосая, зеленоглазая, вдруг ставшая совсем миниатюрной. Юноша отметил, что его родители выглядели очень красивой парой, и по-настоящему любили друг друга.

Оторвавшись от Ирен, Алэн повернулся к лестнице, и Эдмунд сбежал вниз.

— Привет, сынок.

— Привет, папа. — Они обнялись, и Эдмунд почувствовал запах отцовского одеколона — дорогого, незнакомого, из другой жизни.

— Присмотри за мясом, а я пойду переоденусь, — попросила Ирен, подмигнув Алэну. — И развлеки Эмилию, когда она придёт.

— Хорошо, — кивнул Эдмунд, глядя, как родители вместе поднимаются по лестнице. Он вздохнул.

Потом подумал об Элен — о том, как было бы хорошо… И поспешил на кухню, пока не дал волю своим мыслям.

Звонок в дверь раздался вовремя. На пороге стояла Эмилия Мильтон — миловидная, немного полноватая женщина лет сорока четырёх, с живыми глазами и ямочками на щеках, которые появлялись всякий раз, когда она улыбалась, а улыбалась она, кажется, часто.

— Здравствуй, Эдмунд.

— Привет, Эмилия, — отозвался он, приглашая её войти. — Ирен с отцом наверху, скоро спустятся.

— Твой отец здесь? — Что-то в её голосе чуть изменилось. На лице мелькнула тень беспокойства — быстрая, почти незаметная.

— Да, только что пришёл. — Эдмунд уже шёл на кухню.

Эмилия осталась стоять в прихожей на секунду дольше, чем нужно. *Узнает ли меня мсье де Безансон спустя столько лет? Вряд ли. Уйти? Нет — это покажется странным.* Она расправила плечи, приняла безмятежный вид, и прошла в гостиную.

Алэн, спустившись, был ей представлен. Пожал руку. Посмотрел вежливо и равнодушно.

Не узнал, — подумала Эмилия и почувствовала, как напряжение уходит из плеч.

Ужин потёк медленно и чинно — с разговорами, с бокалами вина, с уткой, которая оказалась именно такой, какой и должна была оказаться. После ужина Эмилия поспешила уйти — может быть, чуть поспешнее, чем того требовали приличия. Ирен и Алэн поднялись наверх. Эдмунд вернулся к компьютеру, снова открыл статьи о расследованиях — и снова не нашёл в них ничего полезного.

— Эдмунд, попрощайся с отцом! — донёсся голос матери.

— Иду! — Он вскочил — и ударил себя ладонью по лбу. — Чёрт. Паола.

Он выглянул в коридор и попросил отца подняться. Алэн вошёл в комнату и закрыл за собой дверь. Почти всегда, когда они оставались наедине, Эдмунд начинал говорить о матери — с болью, с упрёком, тихим, но ощутимым. Поэтому Алэн таких разговоров избегал. Он вопросительно посмотрел на сына.

— Па, у меня к тебе просьба.

— Просьба? — Алэн приподнял бровь. Кроме игрушек в далёком детстве, сын никогда его ни о чём не просил. — Конечно, сынок. Тебе нужны деньги?

— Деньги? — Эдмунд засмеялся. — Что ты. Ты же знаешь, что нам с мамой нужен ты, а не деньги. Мы очень тебя любим.

— Как и я вас, — ответил Алэн — тихо, без пафоса.

— Просто в университете есть одна девушка. Очень красивая, мечтает о карьере манекенщицы. Попросила меня поговорить с тобой.

— Это твоя девушка? — поинтересовался Алэн.

— Нет, что ты. — Эдмунд невольно погладил щёку — там, где проходил шрам. — Да и кому я нужен с этим…

— Зря, — сказал Алэн спокойно. — Настоящую любовь шрамами не испугаешь.

— Значит, я ещё не встретил настоящую любовь, — вздохнул Эдмунд. Он думал об Элен — как думал о ней, кажется, постоянно, фоном, как думают о чём-то, с чем давно смирились, но не отпустили. — Ну так как?

— Манекенщицы — не совсем моя компетенция, — сказал Алэн, — но для твоей знакомой я могу кое-что сделать. — Он достал из кармана визитку — плотную, кремовую, с тиснёными буквами. — Пусть позвонит Розамунде и договорится о встрече. Возьмёт фотографии. Если девушка мне понравится — порекомендую её Роже. Он мне не откажет.

— Спасибо. — Эдмунд покрутил карточку в пальцах. — А кто такой Роже?

— Фотограф из модельного агентства. — Алэн оживился. — Ты уже слышал о нашем показе? Соберутся все большие люди!

— Поздравляю, — ответил Эдмунд с искренней теплотой, которая ничего общего не имела с модой и «большими людьми». — Я рад, что твоя мечта вот-вот исполнится.

— Спасибо, — растроганно произнёс Алэн. — Кто знает… может, после этого показа я осмелюсь… — Он не договорил. — Но не буду загадывать.

— Это было бы чудесно, — тихо сказал Эдмунд. Он понял, что имел в виду отец. И подумал о матери, которая сидит внизу и ждёт, пока он закончит. Как ждала двадцать лет.

Они обнялись на прощание — крепко, без лишних слов, как обнимаются мужчины, которым есть что сказать друг другу, но они оба знают, что время для этого ещё не пришло.

Катрин

В то время как Алэн наслаждался обществом любимой женщины и сына, в один из элегантных ресторанов Парижа вошли две женщины.

Катрин Беранже де Безансон умела входить в залы так, что их не замечать было невозможно — не потому, что она добивалась этого эффекта, а потому что иначе не умела. Высокая, прямая, с той особой холодноватой красотой, которая не приглашает, а держит на расстоянии. Рядом с ней шла Жульетта Минсон — на два года моложе, заметно полнее, с чёрными, давно крашеными волосами и карими глазами за стёклами очков. Они были знакомы больше двадцати лет: Жульетта начала работать у Симеона Беранже ещё при его жизни, потом оказалась полезной его вдове и получила повышение. Время и общие тайны сближают крепче дружбы, и Катрин считала Жульетту подругой — единственной, потому что других у неё никогда не было.

Официант встретил их с той особой предупредительностью, которую приберегают для постоянных гостей. Провёл к столику, помог сесть, принёс меню. Женщины принялись выбирать.

Катрин листала страницы медленно, водя пальцем по строчкам — она всё делала именно так, без спешки, сосредоточенно, будто каждое действие заслуживало полного внимания. Жульетта справилась с выбором быстро и теперь украдкой наблюдала за подругой. Что-то было не так. Катрин всегда отличалась ровным, почти неживым спокойствием — и именно потому сегодняшняя скрытая нервозность бросалась в глаза. На работе она не сказала ни слова, но, когда пришло сообщение от мсье Алэна, что он не будет ужинать дома, — обрадовалась слишком заметно и сразу пригласила Жульетту сюда.

Жульетта в очередной раз позавидовала ей — тихо, привычно, без горечи. Катрин было почти пятьдесят, она мало пользовалась косметикой, и всё же выглядела лет на десять моложе: высокий лоб, прямой греческий нос, зелёные глаза, тонкие сжатые губы, короткие волнистые волосы цвета соломы с едва заметной сединой. Всё вместе создавало впечатление чего-то законченного и холодного — как скульптура, которая красива, но не предполагает прикосновения.

Катрин подозвала официанта и сделала заказ. Жульетта последовала её примеру, предварительно уточнив насчёт арахиса в пирожном — у неё была аллергия и осторожность уже давно вошла в привычку.

— Изучаешь меня? — усмехнулась Катрин, не поднимая взгляда.

— Ну что ты, — ответила Жульетта. Вне работы они давно перешли на «ты». — Просто мне кажется, что сегодня ты чем-то встревожена. Хотя дела идут, как никогда, хорошо.

— Да, — согласилась Катрин. — Дела идут хорошо. И в этом большая заслуга Алэна. — При упоминании мужа её лицо на секунду изменилось — в глазах мелькнула та теплота, которую она позволяла себе только в такие мгновения, когда думала, что никто не смотрит. Но тут же вернулась к тому, что не давало покоя: — Ты видела сегодняшние газеты?

— Нет.

Катрин молча достала из сумки газету, положила перед Жульеттой и ткнула пальцем в нужное место.

Жульетта прочла. Заметка была короткой — самоубийство некоего мсье Грегсона, ведется расследование. Она подняла взгляд на Катрин.

— Кто это? Почему это тебя тревожит?

— Нехорошее предчувствие. — Катрин помолчала, как будто взвешивала, стоит ли говорить. — Мсье Грегсон — это не настоящее его имя. На самом деле его звали Винсент Лански. Он был управляющим у Симеона. Ты помнишь?

Жульетта вздрогнула — коротко, почти незаметно, но Катрин заметила всё. Жульетта быстро взяла себя в руки.

— Помню. Но что с того, что он покончил с собой? Мало ли какие у него могли быть причины.

— Не знаю. — Катрин смотрела куда-то мимо неё, в пространство между столиками. — Просто подумалось… Но ты права. Мало ли какие причины. — Она, казалось, приняла какое-то внутреннее решение — отложить эту проблему, подумать позже, не сейчас — и улыбнулась: — Давай есть.

Они принялись за ужин. Говорили о других вещах — о показе, о дочери Лилиане, о пустяках. Но Жульетта видела, что Катрин думает о своём, и не трогала её.

После ужина Катрин отвезла подругу домой и поехала на виллу одна — по ночному Парижу, где фонари расплывались в стёклах и встречные машины оставляли за собой полосы света.

Дом, где жила Катрин, стоял на окраине города, возле реки — большой, тяжёлый, красивый той особой красотой, которая требует денег и пространства. Симеон Беранже построил его больше двадцати лет назад: купил землю, нанял лучших архитекторов, дал им два года и полную свободу — и получил поместье с парком, бассейном и фасадом, который смотрелся как иллюстрация к роману о людях, у которых всё есть. Когда строительство закончилось, Симеон въехал сюда вместе с Катрин и двухмесячной дочерью Лилианой. Потом Симеон был убит. И Катрин осталась хозяйкой всего этого одна.

Ворота открылись бесшумно. Она остановила машину у крыльца, и слуга уже спешил навстречу — открыл дверь, подождал, пока она выйдет, и увёл машину в гараж. Катрин позвонила в дверь, не ища ключей: в этом доме для неё всегда открывали.

Дверь открыл Жан — управляющий с приятными манерами и безупречной памятью, которая была его главным достоинством на этой должности.

— Добрый вечер, мадам.

— Добрый вечер.

— Месье Алэн дома, мадмуазель Лилиана уехала с месье Мишелем ужинать, ваша почта в кабинете на столе, и вам звонил человек по фамилии Кордье. Имя и телефон я записал в вашей записной книжке.

Катрин остановилась. Что-то в ней замерло — именно так, как замирает вода перед тем, как взяться льдом.

— Жан, — сказала она ровно, — вы уверены, что его фамилия Кордье?

— Совершенно уверен, мадам. Вы же знаете, что у меня хорошая память.

— Хорошо. Спасибо. Вы свободны.

Управляющий поклонился и исчез. Катрин вошла в гостиную.

Алэн сидел на диване с тёмно-бордовой обивкой и читал книгу. При её появлении поднял голову. Она всегда любила смотреть на него — с того самого дня, как он впервые появился в кабинете Симеона с папкой эскизов, молодой, красивый, честолюбивый. Она сразу разглядела в нём талант — и сразу же поняла, что хочет его. Симеон был слеп к очевидному, зато Катрин умела видеть людей насквозь. Она уговорила мужа взять Алэна на работу. Присматривалась. И когда узнала, что у него есть невеста и ребёнок на подходе, — не отступила, а взяла быка за рога. Позвала его к себе. Сказала всё прямо. Подкрепила словами то, что называют шантажом, и выиграла. Выиграла ли?

Черты её лица смягчились при виде мужа — сама не замечая этого.

— Привет, дорогой.

— Привет, любимая. — Алэн отложил книгу и поднялся навстречу. Он притянул её к себе, и она уловила — тонко, почти неуловимо — запах чужих духов. Что-то сладковатое, незнакомое.

Ревность кольнула сердце быстро и остро. Катрин отстранилась и посмотрела на мужа — прямо, без спешки, так, как смотрят, когда ждут лжи и хотят её увидеть заранее.

— Где ты был? Розамунда сказала, ты встречался с сыном.

— Да, так и было.

— Почему же от тебя пахнет женскими духами?

Алэн не дрогнул — только моргнул, чуть быстрее обычного.

— Правда? — Он выглядел искренне удивлённым — или умело изображал это. — Наверное, Ирен слишком надушила комнату, а у меня второй день заложен нос. Я пришёл к Эдмунду, а его мать как раз накрывала на стол — вот я и поужинал с ними. Катрин, ты же знаешь, что я люблю только тебя.

Ложь, которую так любят слышать все женщины. Катрин это знала. И всё равно смягчилась — потому что хотела верить, и потому что показ мод был через пару месяцев, и рисковать сейчас было бы безумием даже для него. Она игриво ударила его по плечу.

— Тогда этой ночью я жду доказательств твоей любви.

— Конечно. — Он перехватил её руку и начал покрывать поцелуями запястье, тыльную сторону ладони, пальцы.

— Ну всё, прекрати. — Она забрала руку со счастливой улыбкой, которую не могла удержать. — Я буду в кабинете.

Когда дверь кабинета закрылась за ней, Алэн опустился обратно на диван и медленно выдохнул. Нужно быть осторожнее. Катрин не должна догадаться — ни о его чувствах к Ирен, ни о том, как мало изменилось за двадцать лет. Иначе она вмешается. А она умеет вмешиваться. Ничего не поделаешь — сегодня ночью ему придётся быть вдвойне нежным, чтобы усыпить подозрения. Он взял книгу и вернулся к чтению.

Катрин прошла к столу, взяла корреспонденцию — счета, счета, — и отложила всё в сторону. Открыла записную книжку. На странице с датой «10 апреля 2005 года» ровным почерком Жана было написано: «Луи Кордье» — и номер телефона.

Рука дрогнула — совсем чуть-чуть, почти незаметно — когда она нажимала на кнопки.

— Алло. Луи? Это Катрин… Да, я понимаю… Когда…? Господи, Луи, через столько лет… Пригласительный билет? Как странно… Ну пока…

Она положила трубку и некоторое время смотрела на телефон. Звонок Кордье ещё больше встревожил её — хотя она и без того уже не была спокойна. Кому нужно было ворошить прошлое? Зачем?

Чтобы занять руки, она взялась за оставшуюся почту. Счета. Приглашение на ужин от родителей Мишеля — она улыбнулась мимолётно: из них с Лилианой получится хорошая пара. Следующий конверт. Она взяла его — и остановилась. Никакого обратного адреса. Плотная бумага, аккуратно заклеенный край.

Катрин вскрыла конверт и вынула сложенный вдвое лист. Развернула.

И едва не уронила.

Это было приглашение. Дорогая белая бумага, золотые буквы — такие, какие печатали в те времена, когда деньги ещё умели выглядеть красиво:

«Приглашаем вас отпраздновать с нами день рождения Симеона Беранже, которое состоится 12 мая 1985 года на вилле «Монте-Карло»

Катрин и Симеон Беранже».

Она не закричала — только потому, что не хотела, чтобы из гостиной прибежал Алэн. Молча встала. Налила воды из кувшина, который всегда стоял на столе, выпила залпом. Подождала, пока перестанут дрожать пальцы. Снова взяла бумагу. Настоящая. Или сделана так, что не отличить.

Она подошла к большой картине на стене — пейзаж, ничем не примечательный, купленный именно для этой цели. Сняла её. За холстом была небольшая дверца сейфа, выкрашенная

в цвет обоев. Несколько кнопок, маленький ключик, поворот влево — сейф открылся. Катрин достала из него шкатулку, положила туда приглашение, закрыла, вернула картину на место. Встала перед ней, выровняла раму. Потом долго стояла посреди кабинета, глядя в никуда.

Кто? Почему? Зачем? Кому нужно было поднимать со дна то, что двадцать лет пролежало в тишине?

Ответа не было. Оставался только Луи Кордье — и, может быть, он сможет рассказать ей хоть что-нибудь, когда они встретятся.

Катрин поправила волосы перед маленьким зеркалом над столом, посмотрела на собственное отражение — спокойно, как смотрят на чужое лицо — и вышла из кабинета.

Паола

Паола возвращалась домой из университета в подавленных чувствах. Париж вокруг неё жил своей обычной послеполудённой жизнью — витрины, прохожие, запах кофе из распахнутых дверей кафе — но она шла сквозь всё это, не замечая. Учёба не клеилась. Впрочем, она никогда особенно не клеилась, потому что Паола не делала ни малейших усилий, чтобы постичь тайны экономической теории, — не из лени, а из того глубокого, спокойного равнодушия, которое возникает, когда занимаешься совершенно не своим делом.

Её родители приехали в Париж из Гаити много лет назад. Долго бедствовали, потом отцу улыбнулась удача — крупный выигрыш, который изменил всё: квартира в неплохом районе, свой минимаркет по соседству, стабильность. Они были благодарны этой жизни. Они хотели, чтобы дочь тоже была благодарна — получила образование, стала экономистом, может быть, помогала отцу с делами. Паола понимала их. И всё равно не могла себя преодолеть.

Она открыла дверь своим ключом, бросила матери быстрое «привет» — Лидия стояла на кухне, и оттуда уже доносился запах еды — и сразу прошла к себе. Сумку бросила на пол у стола, не глядя, и легла на кровать, закинув руки за голову. Потолок был белый, ровный, ничем не примечательный. Она смотрела на него и думала — ни о чём конкретном, просто о том, что жизнь движется не в ту сторону.

В дверь постучали.

— Паола! У тебя всё в порядке?

— Да, мам, просто устала. Скоро экзамены, — ответила она, не меняя позы.

Шаги удалились. Паола вздохнула и потянулась к пульту.

Канал моды она знала наизусть — расписание, ведущих, рекламные паузы. Сейчас как раз заканчивался один из показов: манекенщицы уходили за кулисы под аплодисменты, камера скользила по рядам зрителей. Потом пошла реклама. Паола терпеливо ждала, лёжа на боку и подперев голову рукой.

Когда реклама кончилась и на экране появилась очаровательная журналистка с микрофоном, Паола оживилась. Эту программу она любила — интервью с модельерами, закулисные истории, имена начинающих дизайнеров, которых ещё не знает весь мир, но которые могут его узнать. Несмотря на то, что она жила мечтой, Паола была реалисткой: стать моделью у Кардена или Диора — разговор не для неё. Но есть и другие имена, другие дома, другие показы.

— Сегодня у нас в гостях дизайнер дома моды «Беранже» господин Алэн де Безансон, — произнесла ведущая, и на экране появился мужчина.

Паола приподнялась на локте.

— Ого, — сказала она вслух, ни к кому не обращаясь.

Она жадно вглядывалась в лицо отца Эдмунда. Черноволосый, кареглазый, с той уверенностью в движениях, которая не изображается, а живёт в человеке с рождения или вырабатывается годами успеха. Сходство с сыном было — в линии скул, в том, как он держал голову. Но если Эдмунд производил впечатление сдержанной, чуть замкнутой силы, то его отец был совершенно другим — открытым, блестящим, привыкшим к вниманию.

Де Безансон рассказывал о предстоящем показе. Большой, с широкой публикой, с гостями из мира моды и не только. Паола ловила каждое слово и мысленно уже стояла на том подиуме — под светом ламп, под взглядами зала — и шла так, как умела ходить только она, когда никто не видел.

В дверь снова постучали.

— Паола, помоги накрыть на стол! Папа с Дэном скоро придут.

— Да, мам, сейчас!

Она нехотя выключила телевизор, переоделась в домашнее и вышла на кухню. Запах еды ударил сразу — что-то тушёное, с травами, густое и горячее. Паола поняла, что голодна.

— Ты выглядишь грустной, дочка, — заметила Лидия, не поворачиваясь от плиты.

У матери была эта способность — видеть то, что за спиной.

— Нет, что ты, — сказала Паола и улыбнулась дежурной улыбкой, которую держала наготове для таких случаев. — Просто устала.

Она принялась раскладывать приборы по местам, стараясь думать о чём-нибудь другом.

Звук ключа в замке. Голоса в прихожей. Лидия поспешила навстречу — сначала к мужу, потом потрепала по голове шестнадцатилетнего Дэна, который ввалился в квартиру с рюкзаком и довольным видом человека, закончившего рабочий день без особых усилий. Дэн учился плохо и не страдал от этого — отец давно решил, что тот будет помогать в магазине, и Дэн принял это решение с искренним облегчением. Ему нравилась такая работа: выполнять распоряжения, не думать лишнего, возвращаться домой к ужину.

Калеб занял своё место во главе стола — основательно, как занимают его мужчины, которые привыкли к тому, что это их место. Лидия начала раскладывать еду по тарелкам: сначала мужу, потом сыну, потом Паоле, себе — последней.

Ели молча. После ужина Калеб спросил Паолу про университет — коротко, по привычке, не ожидая подробностей. Лидия отчиталась о расходах. Потом все перебрались в гостиную к телевизору.

Так было всегда. День в день, месяц в месяц, год в год — один и тот же вечерний порядок, который менялся разве что по воскресеньям. Паолу это злило в последнее время сильнее, чем раньше, — не потому, что стало хуже, а потому что она всё острее чувствовала разницу между тем, что есть, и тем, чего она хотела.

Калеб устроился в своём кресле и взял утренние газеты — он всегда читал их вечером, когда было время. Перевернул страницу. Ещё одну.

И вдруг вздрогнул — резко, всем телом, так, что Паола и Дэн одновременно подняли головы.

— О, Боже!

Все уставились на него. Калеб несколько секунд смотрел в газету, потом поднял взгляд и ровным, чуть слишком ровным голосом велел детям идти по комнатам.

Дэн встал без возражений — его это не касалось, и он не горел желанием разбираться. Паола поднялась тоже, но медленнее. Первый раз за долгое время ей захотелось остаться. Что-то в лице отца — не испуг, а что-то глубже испуга, некий ужас — задержало её внимание. Но перечить отцу было не принято, и она ушла к себе, прикрыв неплотно дверь.

— Что случилось? — услышала она приглушённый голос матери.

— Вот, прочти, — послышался шорох газеты. — Помнишь, он приходил ко мне недавно.

Тишина. Потом голос Лидии — тихий и напуганный:

— Ты думаешь, его убили?

— Нет. Конечно нет. — Пауза. Калеб говорил медленно, будто думал вслух. — Но кто-то решил его запугать. Постоянно присылал по почте приглашения на тот злополучный праздник. Нервы не выдержали. Он жил отшельником.

— А вдруг… — начала Лидия и замолчала.

— Вдруг мне начнут присылать эти приглашения? — Голос отца был твёрдым — слишком твёрдым, как бывает, когда твёрдость нужно поддерживать усилием. — Я их просто выброшу. Как-никак прошло двадцать лет.

Лидия не ответила.

За закрытой дверью своей комнаты Паола лежала на кровати и смотрела в потолок. Слова она расслышала не все — только обрывки, только интонации. Но этого хватило, чтобы понять:

что-то случилось. Что-то, о чём она не знала. Что-то, что пришло из прошлого, как сказал отец — двадцатилетнее.

Она подумала об этом минуту, может быть, две. Потом мысли сами собой вернулись к де Безансону на экране, к предстоящему показу, к визитке, которую Эдмунд обещал для неё попросить.

За стеной было тихо. Родители больше не разговаривали.

А Лидия сидела в гостиной и смотрела на погашенный экран телевизора и думала об одном: если конверт с приглашением когда-нибудь придёт в их дом — она найдёт его первой. Раньше Калеба. Чего бы это ни стоило.

Элен

После встречи с отцом Элен вернулась домой.

Семья Кордье занимала большую двухэтажную квартиру в фешенебельном доме — из тех парижских домов, где лифт облицован зеркалами, а консьерж знает жильцов по имени и всегда находит повод сказать что-нибудь вежливое. Район был престижным, квартира — просторной и красивой, и Элен давно перестала это замечать, как перестают замечать всё, что существует с самого рождения.

Войдя в салон, она сразу услышала голоса. Мать сидела на диване рядом со своей лучшей подругой Габриэль де Лантье — обе в хорошем настроении, обе с чашками в руках, обе, судя по интонациям, на полпути к очередной теме из неисчерпаемого запаса светских новостей. Дезире Кордье выглядела, как всегда, безупречно — СПА, массажи и косметические процедуры надёжно скрывали её сорок четыре года, а унаследованное от родителей состояние позволяло не задумываться о цене этого скрытия. Впрочем, Элен никогда не считала мать поверхностной — просто другой, устроенной по иным законам. Луи Кордье поднялся из ничего на её деньгах и на собственном таланте в равных долях; Дезире никогда не упрекала его в первом и искренне восхищалась вторым.

Габриэль де Лантье, рядом с которой Дезире смотрелась воплощением судьбы-удачницы, происходила из аристократического, но давно обедневшего рода — из тех семей, где фамилия звучит красиво, а кошелёк при этом почти пуст. В девятнадцать лет она выскочила замуж за владельца магазинов, тот обанкротился, запил и умер, оставив молодой вдове кучу долгов и несколько лет горького опыта. С тех пор она держалась на плаву главным образом благодаря Дезире, с которой дружила с детства, и благодаря богатому банкиру, чьей любовницей стала, познакомившись с ним на каком-то светском вечере. Обжегшись однажды, Габриэль не стремилась больше замуж и своим положением была вполне довольна — во всяком случае, умела им пользоваться.

Увидев дочь, Дезире подняла тонкую руку, украшенную несколькими золотыми браслетами, и помахала.

— Дорогая, иди к нам.

Элен на секунду остановилась в дверях. Разговор о показах мод или о кино, последние светские сплетни — Элен не были интересны эти темы. Не то, чтобы она презирала за это свою мать — просто сегодня в голове у неё было совершенно другое. Она подошла и опустилась на диван рядом с матерью.

— Привет, мам. Привет, Габи. Как дела? Если ничего срочного — мне нужно заниматься.

— Нет-нет, — сказала Дезире. — Ты уже слышала о новом показе от дома моды «Беранже»?

— Нет. А должна была?

— Ну как же! Ты встречаешься с сыном их главного дизайнера — неужели он тебя не пригласил?

Элен моргнула.

— Я встречаюсь? Мама, о ком ты говоришь?

— Об Алэне де Безансоне, разумеется. — Дезире выглядела искренне изумлённой. — Ты так часто говоришь об Эдмунде, что я решила…

— Мама. — Элен постаралась сказать это спокойно. — Мы с Эдмундом дружим. Учимся вместе. Всё.

— Дорогая, не сердись на маму, — мягко вмешалась Габриэль. В её голосе была та особая ласковость, которая обычно предшествует чему-то совсем не ласковому. — Просто немного странно, что твой друг не пригласил тебя на такое событие.

— Эдмунду это не интересно, — сказала Элен. — Как и мне. Ну всё, извините. У меня, правда, много работы.

Она вскочила и пошла к лестнице, на ходу попросив Лизу, их домоправительницу, принести кофе наверх.

— Нет, это несправедливо, — сказала Габриэль, когда шаги на лестнице стихли. В её голосе теперь не было никакой ласковости. — Твоя дочь дружит с сыном главного дизайнера, а нам достались места на последнем ряду. С нашими-то связями.

— Ты же знаешь Элен. — Дезире слегка пожала плечами. — Она вся в отца. Серьёзная, далёкая от всего светского. Я до сих пор удивляюсь, что она выбрала журналистику, а не юридический. — Она помолчала, глядя на лестницу с задумчивым видом, который у неё всегда означал, что план уже созревает. — Нет. Мне нужно пригласить этого Эдмунда к нам — и самой с ним поговорить.

— Элен это не понравится, — заметила Габриэль.

— Я знаю. — Дезире улыбнулась. — Поэтому я сделаю это тонко. Заведу разговор так, что он сам предложит помощь.

Комната Элен на втором этаже была единственным местом в этой квартире, которое она обустроила по-своему — без участия матери и без дизайнера. Книжные полки до потолка, рабочий стол у окна, два детектива на подоконнике в ожидании своей очереди. Она закрыла дверь и остановилась посреди комнаты, не торопясь садиться.

Итак. Отец солгал. В этом она была уверена — так же уверена, как бывала уверена в вещах, которые нельзя доказать, но нельзя и опровергнуть. Он лгал ровно, спокойно, с профессиональной гладкостью человека, который делал это тысячи раз в залах суда. Но она слишком хорошо его знала. Но почему он солгал? Что связывало Луи Кордье с неким Грегсоном, которого, по его словам, он едва помнил?

Она села за стол и открыла компьютер. В поисковой строке написала: «журналистское расследование». Прочитала несколько статей — методично, делая пометки на полях блокнота. Разоблачения чиновников, утечки из архивов, анонимные источники, работа с документами. Всё это было правильно и совершенно не то. Их ситуация была другой — не схема и не архив, а человек, который упал из окна, и другой человек, который почему-то не хочет об этом говорить.

Элен откинулась на спинку кресла и побарабанила пальцами по столу. Если бы она была детективом — с чего бы начала? Сименон посадил бы Мегрэ в кресло и велел ждать. Пуаро задействовал бы серые клеточки. Но она была студенткой журналистики с газетной вырезкой и слишком умным отцом, который только что посмотрел ей в глаза и произнёс заученную ложь.

В дверь постучали.

— Элен, я принесла кофе!

— Да, войди.

Дверь открылась, и вошла Лиз — молодая женщина лет тридцати с подносом в руках и виноватым выражением лица. Она родилась и выросла в неблагополучном районе, образования не получила, но в своё время научилась стряпать на кухне ресторана, где работала девчонкой, и этот навык в конечном счёте привёл её сюда — в просторную квартиру в хорошем районе, с приличным жалованьем и семьёй, которая, по крайней мере, не изводила её по мелочам. Дезире бывала требовательной, но Элен всегда говорила с ней как с человеком, и Лиз это ценила.

— Извини, что задержалась. Мадам просила…

— Мама и Габриэль совсем загнали тебя, — сказала Элен. — Как всегда.

— Спасибо за понимание. — Лиз поставила чашку на стол и вопросительно взглянула. — Ещё что-нибудь?

— Нет, спасибо.

Дверь закрылась. Элен взяла чашку и сделала глоток — латте, горячий, в меру крепкий, именно так, как она любила. Лиз помнила это без напоминаний.

Она снова уставилась в экран. Потом в окно. Потом обратно в экран. Место происшествия. Вот с чего начинают в детективах. Осмотреть место — это значит увидеть что-то своими глазами, а не через газетную вырезку с размытой фотографией. И человек, который ведёт это дело, — инспектор, следователь, кто там занимается такими случаями, — он знает детали, которые в газету не попали. И ей обязательно нужно с ним познакомиться.

Элен выпрямилась. В голове что-то щёлкнуло — не озарение, нет, просто первый конкретный шаг там, где раньше был только туман.

ГЛАВА 2

Эдмунд

В понедельник утром Эдмунд поднялся на второй этаж раньше обычного. До начала занятий оставалось двадцать минут, коридор был почти пустым — только несколько студентов брели к аудиториям с видом людей, которых разбудили слишком рано. Паолы ещё не было. Эдмунд сел на стул у стены и принялся ждать. Чтобы не сидеть просто так, он вынул из кармана вчерашнюю газету — всё ту же, с размытой фотографией — и ещё раз перечитал заметку. Несколько строчек, скупых и безличных, как бывают скупы все заметки об одиноких людях, умерших в одиночестве. Шестой этаж. Самоубийство или несчастный случай. Имя, которое никому ни о чём не говорит. Ему всё ещё было непонятно, зачем Элен понадобилось это расследование. Даже если она и видела где-то этого Грегсона — ну и что? Люди умирают. Незнакомцы падают из окон. Это не их дело. И всё же он согласился помочь — и сам знал почему, хотя предпочитал об этом не думать. Он вынул телефон. Посмотрел на экран. Никаких пропущенных вызовов. Он так надеялся, что она позвонит вчера вечером.

— Эд? Что ты тут делаешь?

Он поднял голову. Над ним стояли Паола и её подруга Жени — обе с сумками, обе в хорошем настроении, которое с утра бывает только у тех, кто либо выспался, либо чего-то ждёт. Эдмунд поднялся и поздоровался.

— Я ждал тебя, Паола. Вчера вечером я говорил с отцом.

— Правда?! — Паола моментально обернулась к Жени и взглядом — коротким, красноречивым — давая ей понять, что та может идти. Жени неохотно подчинилась. — Ну, что он сказал?

— Вот, возьми, — Эдмунд достал визитку — плотную, кремовую, с тиснёными буквами — и протянул девушке. — Позвони Розамунде, его секретарше, и договорись о встрече. Скажи, что от меня и что отец в курсе. Дальше ты сама не растеряешься.

— Спасибо, Эд!

Она взяла визитку, быстро прочла — и в следующую секунду обняла его. Крепко, всем телом, прижавшись так, что он почувствовал её тело через рубашку, — и поцеловала в щёку, чуть ближе к уголку губ, чем можно было бы назвать дружеским жестом. Эдмунда бросило в жар. Он не сразу нашёлся, как отреагировать на это.

С тех пор как год назад он рассёк щеку — тот случай, о котором он не рассказывал никому, — Эдмунд считал себя некрасивым. Не уродливым, нет, но отмеченным чем-то таким, что отталкивает. Девушек у него с тех пор не было. Элен была для него недосягаема по другой причине. И вот теперь Паола смотрела на него вот так, и это было неожиданно, и немного тревожно, и необъяснимо приятно.

— Я вчера видела твоего отца по телевизору, — сказала Паола, чуть отстранившись, но не убирая рук с его плеч. — Ты очень на него похож.

— Наверное, — сказал Эдмунд, потому что не придумал ничего умнее.

Паола засмеялась — легко, без насмешки.

— Почему «наверное»? Похож. Только ты моложе и красивее. — Она посмотрела ему в глаза — прямо, без всякого смущения, как смотрят люди, которые давно решили, что смущение — пустая трата времени. — А этот шрам… — Она провела по нему кончиком пальца, медленно, от виска до уголка губ. — Делает тебя загадочным.

Эдмунд молчал. Слова не шли — не потому, что он растерялся, а потому что не знал, как отвечать на то, что говорила Паола. Неужели он ей нравился? Или это был просто её способ разговаривать со всеми? Он не мог определить — и это само по себе было необычно.

Прозвенел звонок. Эдмунд словно вынырнул из воды.

— Мне нужно идти, — пробормотал он.

— Иди, — улыбнулась Паола. — И не смущайся так.

— Постараюсь. — К нему вернулась обычная собранность — немного поздно, но всё же. Он помахал ей рукой и побежал по коридору вниз.

Паола смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

— Ты ещё будешь моим, Эд, — прошептала она себе, и пошла в класс.

Урок уже начался. Паола тихо скользнула на своё место рядом с Жени, которая добросовестно записывала за преподавателем с видом человека, строящего планы на диплом и последующую карьеру. Паола тетрадь не открыла. Она положила визитку на стол перед собой и принялась её читать — медленно, потом ещё раз, пытаясь намертво запомнить номер на случай, если карточка потеряется.

— Что это? — шепнула Жени, не отрываясь от конспекта.

— Визитка отца Эдмунда, — сказала Паола тихо, но с таким торжеством, словно держала в руках нечто драгоценное. — Мне нужно только позвонить и назначить встречу. Если я ему понравлюсь — он возьмёт меня в манекенщицы.

— И ты в это веришь?

— Почему нет? — Паола пожала плечом. — Я красивая, высокая, параметры в норме.

— Но у тебя чёрный цвет кожи, — вздохнула Жени. — Как и у меня.

Паола тихо засмеялась — так, что преподаватель не обернулся.

— У тебя те же предрассудки, что и у моего отца. На дворе двадцать первый век. На подиумах полно чернокожих девушек, и они там вполне успешны.

— Как знаешь, — отмахнулась Жени и вернулась к записям.

— И ещё одно, — добавила Паола, убирая визитку в сумку. — Я хочу затащить красавчика Эдмунда в постель.

Жени потеряла интерес к конспекту и уставилась на подругу.

— Ты влюбилась?

— Нет. Пока нет. — Паола задумалась на секунду — честно, без кокетства. — Он просто притягивает меня. Волнует. В общем — я хочу его.

— А он тебя?

— Ну, только что мои объятия и поцелуй его совершенно смутили, — сказала Паола с удовлетворением человека, который провёл успешный эксперимент.

Жени засмеялась — коротко, беззвучно — и вернулась к записям.

Эдмунд тоже опоздал. Он тихо вошёл в аудиторию и опустился на своё место рядом с Элен.

— Где ты был? — спросила она шёпотом.

— Потом.

Он открыл тетрадь и сделал вид, что слушает лекцию. Элен покосилась на него, но не стала настаивать.

После звонка на перемену она взяла его за рукав и потянула к окну в конце коридора — туда, где никого не было.

— Ну? Где ты был? Я думала, мы поговорим до урока.

— Передавал Паоле визитку отца. — Он чуть помолчал. — Пообещал — сделал.

— Значит, ты всё-таки стал её Санта-Клаусом, — улыбнулась Элен.

— Что-то вроде того. — Он усмехнулся, потом посерьёзнел: — Я вчера ждал твоего звонка. Ты говорила с отцом?

— Да. И вспомнила, где видела Грегсона, — она оглянулась, но никого, кто бы мог их подслушать, не было, и заговорила быстро, вполголоса. Рассказала всё: Изабель, её оговорку, отца в кресле с книгой — и ту особую паузу перед ложью, которую она умела слышать.

Эдмунд слушал молча. Это было неожиданно. Луи Кордье — человек с именем, с репутацией, с безупречной публичной историей — и какой-то Грегсон, выпавший из окна. Что между ними могло быть общего?

— И что ты собираешься делать? — спросил он.

— Мы, — поправила Элен. — Нам нужно осмотреть квартиру Грегсона и поговорить с инспектором, который ведёт дело.

— Каким инспектором?

— Полицейским, Эдмунд. Тем, кто расследует смерть Грегсона. Но это я беру на себя.

— Хорошо, — согласился он. Не потому, что был уверен в успехе — просто с Элен спорить было бесполезно, когда у неё в глазах вот такой блеск. — Ты справишься.

— Тогда едем после занятий. Я сегодня на машине.

«Порше» был новый, с кожаным салоном — Элен водила его так, как водят люди, которые никогда всерьёз не задумываются о том, что машина может сломаться или застрять. Уверенно, с лёгким удовольствием. Эдмунд сидел рядом и смотрел на неё — исподтишка, как умел, пользуясь тем, что она следила за дорогой. Гордый профиль, прямая спина, руки на руле. Ему часто хотелось взять её за руку — просто так, без объяснений. Хотелось обнять, прижать к себе, уткнуться лицом в её волосы. Он не делал этого. Боялся — не отказа даже, а того момента замешательства в её глазах, после которого всё между ними стало бы другим.

Дом, где жил Грегсон, был высотным, без претензий — из тех, где живут люди, которые работают, неплохо зарабатывают и этим довольны. Не бедность и не богатство — просто жизнь, средняя и устойчивая. Они поднялись на лифте на шестой этаж. Дверь квартиры была опечатана. Эдмунд остановился перед ней и потрогал бумажную полосу печати — осторожно, словно та могла сработать.

— Да, — сказал он. — Сюда так просто не войдёшь.

— Ничего не остаётся, кроме как соблазнить инспектора, — сказала Элен задумчиво.

Эдмунд повернулся к ней.

— Ты серьёзно?

— Нет, — она засмеялась — коротко, весело. — Конечно нет. — Она огляделась по сторонам. Коридор был тихим, двери закрыты. — Соседи. Давай поговорим с соседями. Вдруг кто-то что-то видел или слышал.

— Не стоит, — сказал Эдмунд. — Они вряд ли будут разговаривать с незнакомыми людьми.

Элен его уже не слушала. Она нажала звонок соседней квартиры. Из-за двери немедленно раздался собачий лай — громкий, поставленный, явно принадлежащий крупной собаке, которая воспринимает входную дверь как линию обороны. Никто не открыл.

— Ничего, — сказала Элен, нисколько не расстроившись. — Вернёмся вечером. Сейчас все на работе.

Эдмунд посмотрел на запечатанную дверь, потом на неё. Она уже шла обратно к лифту — лёгким шагом человека, для которого неудача это просто повод попробовать ещё раз.

— Элен, — окликнул он.

— Что?

— Ты понимаешь, что мы понятия не имеем, что делаем?

Она обернулась и улыбнулась.

— Именно поэтому нам интересно.

И нажала кнопку лифта.

Эмилия

Эмилия Мильтон была в отличном настроении. У неё был чудесный день, из тех редких дней, когда с утра всё кажется немного лучше, чем обычно, и сам воздух был как будто светлее.

Несколько дней назад она познакомилась с интересным мужчиной. Он пригласил её в ресторан. Это было так неожиданно приятно — не то, чтобы она страдала от одиночества, нет, просто её давно никто никуда не приглашал, и она успела привыкнуть к этому «давно» так, как привыкают к вещам, которые не болят, но и не радуют. И вот теперь было свидание, и был повод заняться тем, от чего она получала совершенно детское удовольствие, — покупками.

Ирен она предупредила с утра: сегодня у неё отпуск, и кафе без неё справится.

Выходя из дома, Эмилия мельком заглянула в почтовый ящик. Газета, несколько конвертов — наверняка счета, что же ещё. Она махнула рукой и поспешила к метро.

Париж умел быть городом моды для всех — не только для тех, кто мог позволить себе бутики на Сент-Оноре. Эмилия давно присмотрела магазин на окраине: владельцы, очевидно, платили низкую аренду и охотно делились экономией с покупателями. Неудобство расположения её никогда не останавливало.

На платформе метро она ждала поезд, прогуливаясь туда-обратно — несколько шагов вперёд, несколько назад. Думала о ресторане, о том, что надеть, о том, удачно ли выбрала время для шопинга. Гул приближающегося поезда нарастал в тоннеле, и она подошла к краю платформы.

Удар в спину был резким и сильным — таким, что она потеряла равновесие и качнулась вперёд над рельсами. Но чьи-то руки — крепкие, быстрые — перехватили её и удержали.

— Осторожнее, мадам.

Эмилия обернулась, ещё не понимая до конца, что только что произошло. Её спаситель был немолодым, плотным мужчиной с невозмутимым лицом человека, привыкшего действовать быстро.

— Спасибо вам, — выговорила она. Сердце билось некстати громко. — Меня толкнули.

Она оглянулась. Платформа жила своей жизнью — люди смотрели на поезд, переступали с ноги на ногу, тянулись к дверям. Равнодушные лица, обращённые вперёд. Никто не смотрел на неё.

— Бывает, — сказал мужчина.

Двери открылись, толпа подхватила её и внесла в вагон. Эмилия нашла свободное место, села и несколько минут просто дышала — ровно, намеренно, пока испуг не начал отступать. Поезд тронулся. За окном поплыла темнота тоннеля.

Наверное, кто-то просто не смотрел, куда идёт. Так бывает в час пик. Она почти убедила себя в этом к тому моменту, когда объявили её остановку.

— Мадам Эмилия! — Продавщица Полина встретила её у входа с той искренней радостью, которая бывает только у людей, действительно любящих свою работу. — Давно вас не было! Чем могу помочь? Ищете что-то конкретное?

— Здравствуйте, Полина. — Эмилия улыбнулась, и происшествие в метро само собой отодвинулось на задний план — туда, где хранятся неприятности, о которых решено не думать. — Сегодня вечером я иду в ресторан. А у меня, как выяснилось, совершенно нечего надеть.

— Тогда вы попали куда нужно. Я в вашем распоряжении.

И начался тот особый, неторопливый процесс, который Эмилия любила с того самого времени, когда он стал ей доступен. Детство и молодость прошли в бедности — той привычной, затяжной бедности, которая не кричит, а просто тихо присутствует везде: в том, что нельзя купить, в том, куда нельзя пойти, в том, о чём лучше не мечтать. Теперь у неё были деньги — кафе с тридцатью процентами давало стабильный доход — и она позволяла себе радоваться

новым платьям, хорошим ресторанам и прочим удовольствиям без малейшего чувства вины. Это было честно заработано. Это было её.

Полина предлагала, Эмилия мерила, отвергала, снова мерила. Час пролетел незаметно. Она вышла из магазина с несколькими пакетами и лёгким ощущением хорошо проведённого утра.

Домой она вернулась на такси. Поднялась в квартиру, сбросила плащ, бросила пакеты на диван и почту — на стол, не глядя. Сначала покупки.

Она вынула тёмно-синее платье и приложила к себе перед зеркалом. Повернулась боком, потом снова лицом. Сбросила домашнее и надела его. Покружилась.

— Да, это то, что нужно, — сказала она своему отражению с удовлетворением. Потом вздохнула: — И в нём я выгляжу худее. Мне бы похудеть. А я так люблю вкусно поесть.

Из шкатулки с украшениями она выбрала цепочку с сапфировым кулоном — цвет был в тон платью. Примерила. Хорошо.

Переодевшись обратно в домашнее, она взялась за почту.

Первый конверт — счёт за свет. Она посмотрела на сумму, поморщилась слегка и отложила. Второй — реклама из магазина оптики. Порвала и выбросила: очки ей не нужны. Третий конверт она взяла в руки и остановилась. Никаких надписей. Никакого логотипа. Просто белый конверт — чистый, аккуратный, без обратного адреса. Наверное, кто-то из разносчиков рекламы. Она вскрыла его без всякого беспокойства — из любопытства, не более.

Внутри лежал сложенный вдвое лист плотной белой бумаги. Она развернула его. Золотые буквы на дорогом картоне:

«Приглашаем вас отпраздновать с нами день рождения Симеона Беранже, которое состоится 12 мая 1985 года на вилле «Монте-Карло»

Катрин и Симеон Беранже».

Эмилия засмеялась — коротко, недоуменно. Какое ещё день рождения? И год указан — восемьдесят пятый. Наверное, какая-то путаница, чужое письмо попало не в тот ящик.

Но она перечитала. Медленно, слово за словом. И на третьем слове что-то внутри неё сжалось. Она отбросила бумагу — резко, как отбрасывают горячее.

— Нет. Нет, не может быть. Неужели это тот самый праздник?

Руки поднялись сами, закрыли лицо. Из-под ладоней потекли слёзы — тихие, быстрые, без всхлипов. Эмилия сидела так несколько секунд, не двигаясь, слыша только собственное дыхание и отдалённый шум улицы за окном.

— Наступил час расплаты, — прошептала она.

Потом подняла голову. Вытерла щёки ладонями. Посмотрела на бумагу, лежащую на столе лицом вниз.

— Ладно, — сказала она — тихо, но твёрдо, как говорят сами с собой люди, которые привыкли справляться. — У меня сегодня был хороший день. И я не позволю какому-то сумасшедшему его испортить.

Она взяла бумагу, разорвала её на несколько частей, потом ещё раз, потом ещё — до тех пор, пока в руках не осталась горсть маленьких белых клочков. И выбросила их в мусорную корзину. Встала. Подошла к зеркалу. Поправила волосы. Вечером у неё было свидание. И она отлично проведет время.

Лилиана

Лилиана Беранже проснулась в половине второго после полудня. За окном стоял белый парижский день, но она это почти не замечала — плотные шторы превращали спальню в отдельное, самодостаточное пространство, где время подчинялось её собственным законам. Вчерашний вечер с Мишелем был таким же, как все остальные: ужин в приличном ресторане, правильные разговоры, правильные паузы, такси в три ночи. Скучно до зевоты. Она сладко потянулась, ощущая, как распрямляются мышцы, и потянулась к телефону на тумбочке. Нажала на тройку.

— Слушаю вас, госпожа, — раздался голос Августы.

— Скажи Жану, пусть принесёт мне завтрак.

— Жан занят. Я сама принесу вам завтрак, госпожа.

— Нет. — В голосе Лилианы не было раздражения — просто ровная, привычная твёрдость. — Я сказала: Жан.

— Хорошо, госпожа, — пролепетала Августа.

Лилиана положила трубку и встала с постели. Подошла к зеркалу и некоторое время стояла перед ним — без спешки, с тем особым спокойствием, которое бывает у людей, давно привыкших нравиться собственному отражению. Высокая, с безупречно прямой спиной, с той фигурой, которую манекенщицы поддерживают дисциплиной и отказом, а ей досталась, кажется, от природы. Пышные каштановые волосы рассыпались по плечам — ни разу не знавшие краски, чем она втайне гордилась. Белое полупрозрачное неглиже делало утро похожим на сцену из фильма.

Она хорошо знала, что её положение лучшей модели дома «Беранже» не было подарком от матери. Катрин не делала подарков — ни дочери, ни кому-либо ещё. Поправься Лилиана на несколько килограммов — и мать выставила бы её без лишних слов, с той же холодной деловитостью, с какой принимала любые бизнес-решения. Это Лилиана понимала с детства и никогда не обижалась. Мать была такой, какой была. С этим жили.

Стук в дверь.

— Войдите.

Жан вошёл с подносом. Он был молодым, крепким мужчиной с невозмутимым лицом, которое умело не выражать ничего лишнего, — качество, необходимое управляющему большого дома. Вид хозяйки в неглиже его ничуть не смутил. Он поставил поднос на стол и выпрямился.

— Какие будут распоряжения, госпожа?

— На колени, раб, — сказала она.

Жан опустился без малейшего колебания. Лилиана подошла и поставила ногу ему на плечо — лёгким, отработанным жестом. Он обхватил её лодыжку и принялся покрывать поцелуями.

— Осторожно, — рассмеялась она, — а то я упаду.

Она забрала ногу, спустила бретельки неглиже с плеч, и ткань бесшумно соскользнула на пол. Лилиана переступила через неё и легла на густой ковёр. Жан подполз к ней на коленях. Вот уже больше трёх лет они были любовниками. Лилиана обладала богатой фантазией, и Жан был единственным, кто умел ей соответствовать.

— Я соскучилась, — простонала она и запустила пальцы в его волосы. В порыве страсти, Лилиана стала срывать с него одежду. Затем, после взаимных ласк, он овладел ею.

Когда Жан ушёл, Лилиана позвонила Августе и велела приготовить ванну. Сама, не торопясь, принялась за завтрак — так и не потрудившись одеться. Она прекрасно знала, что Авгу-

ста тайно влюблена в Жана. И знала, что та догадывается об их связи. Ну а комната и без того говорила сама за себя — смятые простыни, рубашка на полу, запах чужого присутствия.

— Ванна готова, госпожа, — сказала Августа, выходя из ванной. Глаза у неё были красными.

Лилиана посмотрела на неё с тем лёгким, почти равнодушным удовлетворением, которое само по себе говорило всё, что нужно.

— Убери тут, — она обвела взглядом комнату — остатки завтрака, постель, рубашку на полу, использованный презерватив.

— Да, госпожа.

Лилиана прошла в ванную, не оглядываясь. Погрузилась в воду, густую от масел и пены, вдохнула тёплый аромат и закрыла глаза. День обещал быть хорошим.

После ванны она надела одно из любимых платьев — простое, облегающее, цвета тёмной вишни, и туфли на низкой шпильке. Спустилась в холл.

Алэн сидел на диване с газетой. При виде падчерицы он отложил её и поднялся.

— Привет, дочка. — Он поцеловал её в щёку. Алэн был хоть и отчимом, но воспитывал её с первых месяцев жизни, и она очень любила его. Между ними было больше привязанности, чем между ней и родной матерью. — Как прошёл вечер с Мишелем?

— Как всегда, скучно. — Лилиана опустилась рядом с ним на диван. — Не понимаю, почему мама так настаивает, чтобы я вышла за него замуж.

— Если бы я мог тебе помочь… — Алэн вздохнул — невесело, но без горечи. Это был вздох человека, давно принявшего некоторые ограничения своей жизни.

— Но ты не можешь, — сказала Лилиана без осуждения. — Мама и тобой вертит, как хочет. Не обижайся.

— Я не обижаюсь. Ты, как всегда, права.

— Так уж всегда? — она засмеялась.

— В отношении меня — точно. — В его голосе мелькнула та теплота, которую он позволял себе с ней и с Эдмундом и почти никогда с другими. — Пообедаешь со мной?

— Нет, я только что встала и позавтракала. Разве что выпью кофе. Потом у меня Роже. — Она откинулась на спинку дивана. — Как идёт подготовка новой коллекции?

— Замечательно. Будут многие знаменитости. — Он сказал это с той особой интонацией, в которой читалось нечто большее, чем профессиональная гордость.

— Отлично, — кивнула Лилиана. — Не бойся. Всё пройдёт так, как ты задумал. Я на твоей стороне.

Алэн не успел ответить — в холл бесшумно вошла Августа. Увидев Лилиану, она запнулась на полшага — едва заметно, но Лилиана заметила.

— Ваш обед готов, господин, — сказала Августа, обращаясь к Алэну.

— Иду, спасибо. — Он поднялся.

— Сделай мне кофе с тостом, — бросила ей Лилиана. — Подай в столовую.

— Да, госпожа.

Алэн и Лилиана пошли в столовую. По дороге он покосился на закрытую дверь, за которой скрылась Августа.

— В последнее время с этой девушкой что-то творится, — сказал он негромко.

— Может, влюбилась, — предположила Лилиана с лёгкостью человека, которому ответ давно известен, — а ей не отвечают взаимностью.

— Возможно, — согласился Алэн. Он не привык вмешиваться в чужие личные истории — особенно истории прислуги — и тема его уже не занимала.

За столом Лилиана выпила кофе, съела тост, посмотрела в окно на белёсое парижское небо. Потом встала, поцеловала Алэна в щёку на прощание и вышла.

Внизу её ждала машина.

Роже, лучший фотограф из всех, с кем она работала, обещал, что её фотография попадёт в один из престижнейших мировых журналов. Роже никогда не обещал того, чего не мог выполнить. Это она тоже знала давно.

Лилиана вывела машину со двора и влилась в парижский поток — легко, без лишних движений, как делала всё.

Жаннет

Жаннет Бертье жила в старом доме в районе, где процветали две вещи — наркотики и проституция, — и шестнадцать лет назад выбрала из них ту, которая давала больше контроля. Сама она контроль ценила.

Сорок четыре года она носила без лишней драмы. Конечно, восемнадцатилетним вертихвосткам она проигрывала по очевидным статьям — но умела преподать себя так, как умеют только женщины, у которых за плечами достаточно опыта, чтобы превратить опыт в инструмент. Физические упражнения, хорошая косметика, никаких наркотиков — этими тремя правилами она держалась. И держалась неплохо.

В этот вечер она собиралась дольше обычного. Раз в неделю её навещал Габриэль — богатый, немного за пятьдесят, неженатый. У Жаннет были на него свои планы, долгосрочные и вполне конкретные, и она не собиралась их торопить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.